

УДК 821.161.3

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ОБРАЗОВ В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «УЗНИК» НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Е. М. ЕВИЧ¹⁾, Л. О. МОРЗА¹⁾

¹⁾Средняя школа № 37 с углубленным изучением английского языка,
ул. Советская, 66, 150003, г. Ярославль, Россия

Проводится сравнительный анализ шести переводов на белорусский язык стихотворения А. С. Пушкина «Узник». Используется метод структурно-семантической сетки. Выявлена трансформация системы ключевых образов в переводах. Она связана с опытом личных переживаний поэтов-переводчиков, невозможностью найти точные лексические соответствия в двух языках, отсутствием в белорусском языке церковнославянизмов, образованием метафорических лакун.

Ключевые слова: сравнительный анализ; перевод на близкородственный язык; ключевой образ; структурно-семантическая сетка; метафорическая лакуна.

COMPARATIVE STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF KEY IMAGES IN TRANSLATIONS OF PUSHKIN'S POEM «PRISONER» INTO BELARUSIAN

E. M. YEVICH^a, L. O. MORZA^a

^aSecondary school No 37 with in-depth study of English, 66 Sovetskaya Street, Yaroslavl 150003, Russia
Corresponding author: E. M. Yevich (evichby@rambler.ru)

The study provides a comparative analysis of six translations into the Belarusian language of Pushkin's poem «Prisoner». The method of structural-semantic grid is used. The transformation of the system of key images in translations is revealed. It is connected with the experience of personal experiences of poets-translators, with the lack of accurate lexical correspondences in two languages, with the lack of church slavism in the Belarusian language, with the formation of metaphorical gaps.

Keywords: comparative analysis; translation into closely related language; key image; structural-semantic grid; metaphorical gap.

Введение

Поэзия – наиболее трудная для перевода форма организации художественной речи. Поэт преобразует окружающий его мир в сложный художественный образ. Перед переводчиком стоит задача понять этот образ, передать его особенности на другом языке, в связи с чем возникает вопрос

Образец цитирования:

Евич ЕМ, Морза ЛО. Сравнительный структурно-семантический анализ ключевых образов в переводах стихотворения А. С. Пушкина «Узник» на белорусский язык. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:44–49.

For citation:

Yevich EM, Morza LO. Comparative structural and semantic analysis of key images in translations of Pushkin's poem «Prisoner» into Belarusian. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:44–49. Russian.

Авторы:

Елена Михайловна Евич – учитель русского языка и литературы.
Лада Олеговна Морза – учащаяся.

Authors:

Elena M. Yevich, teacher of Russian language and literature.
evichby@rambler.ru
Lada O. Morza, pupil.
evichby@gmail.com

о целесообразности трансформации художественного образа и об эквивалентности поэтического перевода.

Существует несколько переводов на белорусский язык стихотворения А. С. Пушкина «Узник». Все они разные, и каждый по-своему оригинален. Представляется важным проследить, как в близкородственном языке изменяются знакомые всем образы, как поэты-переводчики М. Богданович, М. Танк, П. Глебко, Ю. Свирка, Я. Золак понимают их и передают в условиях родства корней большинства слов. Проблемой перевода на белорусский язык поэзии А. С. Пушкина занимаются В. П. Рагойша, Л. В. Прохоренко (Цалко), Т. В. Гончарова-Цинкевич. Исследователи отмечают сложности, связанные с отсутствием церковнославянизмов и старославянизмов в белорусском языке, межъязыковых синонимов, с отличиями в синтаксисе и грамматике двух языков. В результате в переводе образуются метафорические несоответствия (лакуны), которые, как считает Л. В. Прохоренко, преодолеваются билингвизмом (употреблением русизмов), заполнением лакуны другой метафорой или ее компенсацией метафорой в другом месте текста [1].

Проведен сравнительный анализ шести переводов на белорусский язык стихотворения А. С. Пушкина «Узник» с целью определить степень близости каждого из них к оригиналу и особенности трансформации художественных образов. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассмотрены шесть переводов данного стихотворения на белорусский язык, выявлены образные трансформации, вызванные необходимостью преодолеть метафорические лакуны, обусловленные различиями в русском и белорусском языках.

Материалы и методы исследования

В основу сравнительного анализа переводов лег метод структурно-семантической сетки, который исследует структуру значения ключевого образа. При помощи данного метода мы можем установить субъект (S), выступающий ключевым художественным образом, а также его составляющие (S1, S2, S3 и т. д.), средства его художественного выражения (тропы, речевые фигуры), его лексическое выражение. S – ключевой художественный образ, который получает развитие в дополнительных образах (S1, S2, S3 и т. д.), также обладающих собственными системами иносказательности и лексического выражения. Сохранение этой системы субъектов и их выражения имеет важнейшее значение для перевода.

Сравнительный анализ при помощи метода структурно-семантической сетки дал возможность оценить эквивалентность перевода. Субъект может совершать какое-либо действие или являться чем-либо, что позволяет выделить предикат (P, P1, P2, P3 и т. д.). К сравнительному анализу предикатов в текстах оригинала и переводов мы обращаемся в том случае, если значимые различия невозможно объяснить только структурно-семантическим методом. На основании данных структурной сетки проводился построфный сравнительный анализ шести переводов, отмечаются соответствие, утрата структурных элементов и привнесение новых. Результатом исследования стал вывод об особенностях перевода каждого из авторов, о трансформации ключевых образов и о степени близости к оригиналу.

Результаты и их обсуждение

А. С. Пушкин написал свое стихотворение в южной ссылке, когда вынужден был жить в Кишиневе и Одессе. В 1822 г. поэт аллегорически описал в стихотворении «Узник» свое положение. В произведении автор использует многоступенчатое сравнение. Себя он представляет узником, находящимся *в темнице сырой*. Узник, в свою очередь, сравнивается с *молодым орлом*, запертым в клетке. В стихотворении возникает образ *грустного товарища* узника – свободного орла. Равные друг другу *вольные птицы* разделены решеткой. Свободный товарищ призывает узника покинуть свою темницу и улететь в далекие края, где гуляют только вольный ветер и орел.

Первый перевод стихотворения на белорусский язык принадлежит М. Богдановичу. Он был написан поэтом, тяжело страдающим от туберкулеза легких, в 1916 г., за год до смерти. Свою ограниченную болезнью жизнь, большое тело М. Богданович часто сравнивал с тюрьмой, из которой стремилась вырваться на волю его свободолюбивая душа. Возможно, поэтому стихотворение «Узник» было очень близко белорусскому поэту. Перевод впервые был опубликован в 1927 г., через 10 лет после смерти М. Богдановича [2].

Второй перевод на белорусский язык выполнен М. Танком в 1937 г. и опубликован в ежемесячном культурно-общественном литературном журнале «Беларускі летапіс», который издавался в Вильно [3]. Четвертый номер за 1937 г. целиком посвящен А. С. Пушкину и приурочен к столетию со дня смерти русского поэта. Существует и более поздний перевод М. Танка, опубликованный в 1980 г. в пятом томе собрания его сочинений [4]. Поэт испытал тяготы тюремного заключения, его арестовывали и заключали под стражу несколько раз в Вильно в 1932–1936 гг. за подпольную революционную деятельность. В 1933 г. он даже издавал в тюрьме при поддержке политзаключенных рукописный журнал «Краты»

(всего вышло шесть номеров). Поэтому к стихотворению «Узник», в переводе которого М. Танк мечтает о свободной процветающей стране, у белорусского поэта сложилось личностное отношение.

Известны еще три перевода пушкинского стихотворения на белорусский язык. Их создали П. Глебка (опубликован в 1971 г.) [5], Ю. Свирка (опубликован в 1986 г.) [6] и Я. Золак (опубликован в 1988 г.) [7].

Я. Золак перевел стихотворение в США, где он жил в эмиграции с 1951 г. Еще летом 1944 г. поэт вынужден был покинуть страну, чтобы избежать репрессий за то, что работал учителем в школе и издавал рукописный журнал «Василек» на оккупированной немцами территории Случчины. Уже в США поэт самостоятельно обучился печатному делу и обустроил типографию в подвале собственного дома. В этой типографии издавались журналы «Беларускі патрыёт», «Сялянскі кліч», «Палессе», «Беларуская думка». Белорусский читатель познакомился с переводом поэта-эмигранта в 1988 г. в сборнике «Вятрыска з радзімай краіны». Неслучайно образы резких, холодных, колючих ветров и маяка появляются и в переводе стихотворения «Узник».

Первая попытка анализа трансформации ключевых образов в четырех переводах стихотворения «Узник» на белорусский язык была предпринята нами ранее. Здесь мы приводим полные данные структурно-семантического анализа шести известных переводов произведения [8]. Обратимся к структурному анализу ключевых образов первой строфы стихотворения А. С. Пушкина и его переводов (табл. 1). В оригинале представлены четыре ключевых образа: образ *Я* (узник, который сидит в темнице и наблюдает за орлом под окном), образы темницы, времени и орла.

Таблица 1

Образы первой строфы

Table 1

Images of stanza 1

Образ	Автор						
	<i>А. С. Пушкин</i>	<i>М. Богданович</i>	<i>М. Танк (1937)</i>	<i>М. Танк (1980)</i>	<i>П. Глебка</i>	<i>Ю. Свирка</i>	<i>Я. Золак</i>
S	Я* [сизу]	+ Я* [сяджу]	–	+ Я* [сяджу]	– Я* [сяджу] взянем (метафора)	– Я* [сяджу] адзінокі (эпитет)	+ Я* [сяджу]
S	Темница сырая (эпитет)	– Турма	– Цэля пану- рая (эпитет)	–	–	+ Астрог сыры (эпитет)	– Цемра (метафора)
S1	Решетка (метафора)	+ Рашотка (метафора)	–	+ Краты (метафора)	+ Краты (метафора)	–	+ Краты (метафора)
S	–	–	– [мінаюць] гады (метафора)	– дні і гады (градация)	– гады	–	– гады
S	Орел молодой (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)
S1	Вскормлен- ный в неволе (эпитет)	– Узросшы на волі (эпитет)	– Узгадованы воляй (олице- творение)	– Спазнаўшы няволю (метафора)	+ Узрослы ў няволі (эпитет)	– Няволя зрадніла (олицетворе- ние)	– Узрослы на волі (эпитет)
S2	Мой грустный товарищ (эпитет)	+ Друг сумны мой (эпитет)	– Мой сумны таварыш сінеючых гор (эпитет, метафора)	+ Мой сумны таварыш (эпитет)	+ Мой сумны таварыш (эпитет)	+ Мой сумны таварыш (эпитет)	– Сябрук майго суму (метафора)
S3	Кровавая пища (эпитет)	+ Крывая страва (эпитет)	+ Акры- ваўлены корм (эпитет)	+ Акрываў- лены корм (эпитет)	+ Крывая ежа (эпитет)	+ Корм свой крывавы (эпитет)	+ Крывая ежа (эпитет)
S4	Крыло	– Моцнае крыло (эпитет)	–	+ Крыло	+ Крыло	+ Крыло	+ Крыло

Примечание. Здесь и далее знаком + отмечены соответствия в системе ключевых образов оригинала и перевода, знаком – обозначены их несоответствия. Лексические отступления от текста оригинала выделены подчеркиванием.

Образ *Я* явно не характеризуется в оригинале, известно лишь, что лирический герой сидит. Этот образ создается деталями окружающей обстановки и сравнением с орлом. П. Глебка уточняет образ метафорой *сяджу вязнем* (узником), а Ю. Свирка подчеркивает эпитетом *адзінокі*.

Образ темницы (*S*) у А. С. Пушкина охарактеризован эпитетом *сырая*, в его систему входит выраженный метафорой дополнительный образ решетки (*S1*), которая разделяет узника и орла. М. Богданович передает систему образа темницы русизмами *турма* и *рашотка*. Переводчик стремился сохранить образы оригинала, к тому же он самостоятельно овладевал белорусским языком, живя с детства в Ярославле, поэтому такой русифицированный перевод оправдан. М. Танк в 1937 г. передает образ темницы сырой через эпитет *цэля панурая*, чем вносит немного иной оттенок смысла, сливает образ решетки и темницы. А в более позднем переводе образ темницы вовсе исчезает, остаются лишь *краты*. То же происходит в переводе П. Глебки. Ю. Свирка сохраняет образ темницы (*астрог сыры*), но теряет образ решетки. Я. Золак вводит метафору *цёмра*. Интересно отметить, что у М. Танка, П. Глебки и Я. Золака появляется дополнительный образ времени: *мінаюць гады* (метафора), *сяджу дні і гады* (градация). Это компенсация лакуны (*темница сырая*), которая образовалась из-за отсутствия в белорусском языке соответствующего слова высокого стиля старославянского или древнерусского происхождения с основным значением «место заключения» и дополнительным значением «тьма».

Систему ключевого образа орла молодого у А. С. Пушкина составляют дополнительные образы *S1* (неволя, в составе эпитета *вскормленный в неволе*), *S2* (товарищ с эпитетом *грустный*), *S3* (пища с эпитетом *кровавая*), *S4* (крыло, которым машет орел). Если ключевой образ (*арол малады*) сохранили все переводчики, то дополнительные образы изменились. *S1* в текстах М. Богдановича, М. Танка (1937 г.), Я. Золака заменяется на образ воли: *узросшы на волі, узгадованы воляй, узрослы на волі*. Ю. Свирка преобразует эпитет в олицетворение: *няволя зрадніла*. Образовавшуюся лакуну в переводе фразы *вскормленный в неволе* можно объяснить отсутствием в белорусском языке устаревшего лексического соответствия высокого стиля. *S2* усложняется метафорами в переводе М. Танка (1937 г.) (*мой сумны таварыш сінеючых гор*) и в переводе Я. Золака (*сябрук майго суму*). *S3*, *S4* адекватно передаются во всех переводах, лишь *S4* усложняется эпитетом *моцнае* у М. Богдановича. Незначительное изменение оттенка смысла замечено у М. Танка и Ю. Свирки в слове *корм*, который все же получают от хозяина, в отличие от свободно добываемой *пищи*. Немного изменяется предикат в переводах М. Танка, П. Глебки, Ю. Свирки, где орел свою пищу не просто клюет, а *дзяўбе*.

Система ключевого образа орла, подчеркнутого олицетворением, дополняется во второй строфе дополнительными образами *S5* (окно), *S6* (одно (задуманное)), *S7* (взгляд), *S8* (крик), выраженными метафорой внутри олицетворения. Во второй строфе (табл. 2) художественную нагрузку несут предикаты образы орла: *P1* (клюет), *P2* (бросает), *P3* (смотрит), *P4* (задумал), *P5* (зовет), *P6* (вымолвить хочет), *P7* (давай улетим). Действие развивается, передается градацией и завершается эмоциональным призывом улететь, усиленным восклицанием.

Таблица 2

Образы второй строфы

Table 2

Images of stanza 2

Образ	Автор						
	А. С. Пушкин	М. Богданович	М. Танк (1937)	М. Танк (1980)	П. Глебка	Ю. Свирка	Я. Золак
S5	Окно	+ Акно	– Краты	– Краты	+ Акно	+ Акно	+ Акно
S6	Со мною [задумал] одно (олицетворение)	+ [задумаў] са мною адно (олицетворение)	– Адно са мной [марыць і сніць] (олицетворение)	– Пра адно са мной [марыць і сніць] (олицетворение)	+ Са мною [задумаў] адно (олицетворение)	– Са мною і ён <u>заадно</u>	+ Са мною [задумаў] адно (олицетворение)
S7, S8	[зовет] взглядом, криком (олицетворение, метафора)	+ [завёць] паглядам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [кліча] поглядам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [заве] позірмам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [заве] зіркам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [кліча] паглядам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [заве] поглядам, крыкам (олицетворение, метафора)

М. Танк заменяет лексему «окно» словом *краты*, а предикат Р4 – выражением *марыць і сніць*. Ю. Свирка предикат Р4 меняет на фразу *са мною і ён заадно*. Меняется в некоторых переводах оттенок призыва Р7. Если у А. С. Пушкина орел призывает навсегда улететь, то все белорусские переводчики, кроме М. Богдановича, употребили глагол *паляцім*, который не предполагает законченность и невозвратность действия.

В третьей строфе (табл. 3) окончательно оформляется ключевой образ – *мы*, противопоставленный образу *Я* в первой строфе. Этот образ зарождается еще в призывном кличе орла (*Давай улетим!*). Во второй строфе он дополнен образом S1 (*вольные птицы*), выраженным метафорой. Система этого ключевого образа сохранена во всех белорусских переводах: *вольныя птушкі*, *вольныя птахі*.

Другим ключевым образом выступает воля, к которой стремятся орел и узник, – образ неопределенного пространства свободы. Он усиливается анафорой (*туда...*) и завершается, по словам В. Рождественского, «на высокой ноте гордого утверждения: “лишь ветер... да я!”» [9]. Систему образа воли, свободного края составляют дополнительные образы S1 (гора, которая белеет за тучей (метафора)), S2 (морские края, которые синют (метафора)), S3 (ветер, который гуляет вместе с орлом (S4) (олицетворение, парцелляция)).

Таблица 3

Образы третьей строфы

Table 3

Images of stanza 3

Образ	Автор						
	А. С. Пушкин	М. Богданович	М. Танк (1937)	М. Танк (1980)	П. Глебка	Ю. Свирка	Я. Золак
S1	Вольные птицы (метафора)	+ Вольныя птушкі (метафора)	+ Вольныя птушкі (метафора)	+ Вольныя птушкі (метафора)	+ Вольныя птахі (метафора)	+ Вольныя птахі (метафора)	+ Вольныя птахі (метафора)
S1	За тучей белеет гора (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	– <u>Снягамі вяршыны гараць</u> (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)
S2	Синют морские края (метафора на основе действия)	+ Сінеюць марскія края (метафора на основе действия)	– Сінее краіна мая (метафора на основе действия)	– Сінее краіна мая (метафора на основе действия)	– <u>Блакiтнага мора прастор</u> (метафора на основе признака, эпитет)	– <u>Марская прастора</u> мая (метафора на основе признака)	– За морам <u>вiднее маяк</u>
S3, S4	Гуляем лишь ветер... да я!.. (олицетворение, парцелляция)	+ Гуляем... сам вецер ды я!.. (олицетворение, парцелляция)	– Вецер гуляе <u>свабодны</u> ... ды я! (олицетворение, эпитет, парцелляция)	– Вецер гуляе <u>свабодны</u> ... ды я! (олицетворение, эпитет, парцелляция)	– Гуляюць... <u>арлы</u> ды вiхор!.. (олицетворение, парцелляция)	+ Разгульваем вецер... ды я!.. (олицетворение, парцелляция)	– Толькі вятрыскі гуляюць... ды я (олицетворение, парцелляция)

В описании морских краев переводчики совершают несколько интересных изменений. Возможно, каждый из них выражает собственные мечты и стремления. Возникновение этой лакуны связано с тем, что белорусское слово *край*, *краі* имеет значение *страна*, *страны*. Переводчики заполняли ее по-разному. М. Богданович использовал русизм *края*. М. Танк вводит близкий ему образ вершин, которые горят снегами (*снягамі вяршыні гараць*). Это могут быть вершины сосен или елей, а не вершины гор. S3 передается через выражение *сінее краіна мая*, что перекликается с классическим образом Беларуси (Беларусь синеокая). Образ ветра автор перевода подчеркивает эпитетом свободный.

П. Глебка и Ю. Свирка заменяют метафору на основе действия метафорой на основе признака: *блакiтнага мора прастор*, *марская прастора мая*. П. Глебка образ ветра передает более сильным словом *вiхор*. Я. Золак усиливает его словом *вятрыскі*. Интересно, что вместо синюющих морских краев переводчик использует другой образ: *за морам вiднее маяк*. Выходит, что орел зовет узника не в просторы синего моря, а в конкретную точку на его противоположном берегу. Не исключено, что в этом переводе поэт-эмигрант выразил свою тоску по покинутой родине.

Заключение

Сравнительный анализ текстов, проведенный при помощи метода структурно-семантической сетки, показал, что перевод зависит не только от оригинала, но и от восприятия переводчиком самого текста, его жизненного опыта. Авторами наиболее точных переводов являются М. Богданович и П. Глебка (12 и 11 соответствий в системах ключевых образов). Наиболее вольное переложение образов в переводе М. Танка 1937 г. (4 соответствия). В переводе М. Танка (1980) обнаружены 9 соответствий, в переводе Ю. Свирки – 10, в переводе Я. Золака — 10 соответствий.

Отмечена трансформация системы ключевых образов в переводах. Это связано с опытом личных переживаний поэтов-переводчиков, невозможностью найти точные лексические соответствия в языках, отсутствием в белорусском языке церковнославянизмов и старославянизмов. Художественно-выразительный строй оригинала удалось сохранить всем переводчикам, за исключением незначительных переходов эпитета в олицетворение и метафору в переводах первой строфы у М. Танка, Ю. Свирки, Я. Золака.

В целом можно заключить, что система образов и иносказательности наиболее сохранена у М. Богдановича и П. Глебки, хотя первый и позволил себе употребление русизмов для более точной передачи художественных особенностей оригинала, как это нередко случается при переводе на близкородственные языки.

Библиографические ссылки

1. Прохоренко ЛВ. Пушкинские метафоры как объект перевода на белорусский язык. *Веснік МДПУ імя І. Шамякіна. Філалагічныя навукі*. 2011;2:90–94.
2. Багдановіч М. Пераклады [Интернет]. 2020 [процитировано 25 ноября 2020 г.]. Доступно по: <http://archives.gov.by/index.php?id=719464>.
3. Пушкін А. *Вязень. Беларускі летаніс*. 1937;4:66.
4. Танк М. *На зорных шляхах. Пераклады*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1991. 334 с.
5. Пушкін А. Вязень [Интернет]. 2020 [процитировано 16 октября 2020 г.]. Доступно по: https://knihi.com/Alaksandar_Puskin/Viazien_5.html.
6. Свірка Ю. *Паўшар’е блакіту*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1986. 125 с.
7. Золак Я. *Вятрыска з радзімай краіны*. Мінск: БелАДІ; 1988. 312 с.
8. Морза Л. Трансформация ключевых образов в переводах стихотворения А. С. Пушкина «Узник» на белорусский язык. В: *Актуальныя пытанні філалогіі*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 2020. с. 68–73.
9. Рождественский В. *Читая Пушкина*. Ленинград: Детская литература; 1962. 190 с.

References

1. Prokhorenko LV. [Pushkin's metaphors as an object of translation into Belarusian]. *Vesnik MDPU imja I. Shamjakina. Filalagichnyja navuki*. 2011;2:90–94. Russian.
2. Bagdanovich M. [Translations] [Internet]. 2020 [cited 2020 November 25]. Available from: <http://archives.gov.by/index.php?id=719464>. Belarusian.
3. Pushkin A. [Prisoner]. *Belaruski letapis*. 1937;4:66. Belarusian.
4. Tank M. *Na zornyh shljahah. Peraklady* [On Star trek. Translations]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1991. 334 p. Belarusian.
5. Pushkin A. Prisoner [Internet]. 2020 [cited 2020 October 16]. Available from: https://knihi.com/Alaksandar_Puskin/Viazien_5.html. Belarusian.
6. Svirka Ju. *Pawshar'e blakitu* [Hemisphere blue]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1986. 125 p. Belarusian.
7. Zolak Ja. *Vjetryska z radzimaj krainy* [The wind from the homeland]. Minsk: BelADI; 1988. 312 p. Belarusian.
8. Morza L. *Transformatsiya klyuchevykh obrazov v perevodakh stikhotvoreniya A. S. Pushkina «Uznik» na belorusskii yazyk* [Transformation of key images in translations of Pushkin's poem «Prisoner» into Belarussian]. In: *Aktual'nye voprosy filologii* [Topical issues of philology]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2020. p. 68–73. Russian.
9. Rozhdestvenskii V. *Chitaya Pushkina* [Reading Pushkin]. Leningrad: Detskaya literatura; 1962. 190 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.
Recieved by editorial board 15.01.2021.